

ШИАНГ-МАЙ. (Chiang-Mei)

Глава первая. ПОЕЗД

В конце концов, это только слезливая немецкая история, и хорошо бы когда-нибудь забыть, что ты - немец. Хороший немец, или ублюдочный кельнский немец, которым являюсь я, но все-таки немец. Впрочем, генеалогия моего города спорна. У меня были две персональные выставки в сентябре, и я даже удостоился статьи в "Шпигель", и собирался задержаться в Кельне еще на месяц, когда где-то в районе Валлрафф-платца, где помещалась одна из маленьких галерей, я набрал номер Винклера, и он сказал мне, что на мое имя пришла телеграмма из Шианг-май, и прочитал мне ее по телефону с этим характерным винклеровским смешком, в данном случае - не очень уместным.

Sunit gestorben.

И с этого момента можно было особенно не торопиться с отъездом, но на меня спустилось обымное тупое омерзение от Кельна, от языка, на котором я устал думать, и, не заезжая домой, я взял билет до Бангкока, выбрав сингапурскую авиалинию, что стоило мне почти суточного ожидания во Франкфурте. От "Люфт-ханза" я отказался по мотивам, которые я не мог достаточно четко объяснить билетному агенту, и ограничился неопределенным жестом полусексуального толка, который он одобрил. Жест этот значил, что, не будь на свете Хинтериндии, я, может быть, и имел бы какое-нибудь мнение европейцах, в частности, о германцах, но - увы. И, скорее всего, кроме моих расистских взглядов, меня страховала еще панический страх, потому что только в цветном кресле, чувствуя дыхание стюардессы в саронге, я мог до конца обнажить свою сущность: принадлежность к братству германских жидов с голубыми мутными глазами негерманского выражения, к которым я себя отношу, дополненную темной прядью волос на фоне свалявшейся соломы, которую "Шпигель" принял за живописную проекцию хардрака, а на деле являющейся не более чем артефактом кельнской природы. Mutant. Если определенное количество часов я не могу сейчас с достаточной ясностью восстановить в памяти, то это только внешне было связано с бесплатными напитками, которые разносят в сингапурских самолетах, и бутылкой тикийи, привезенной Винклером по моей просьбе из Мехико-сити, а по сути своей было сменой дыхания, что всегда предшествует моей смерти человека-европейца, и по сторонам моей души и тела начинают выползать и заново открываться позеленевшие от бездействия жаберные пары, феномен, о котором догадывался Винклер.

Вручая мне тикийу, он не удержался от намеков на туманный блеск будущего, которое только формально будущее, а фактически уже настоящее, скрепленное разумностью жизни, которую я, по его мнению, веду. И мой полет в Бангкок он назвал бы преступным рецидивом печальных семидесятых, известно чем закончившихся. ("И сейчас", "и давно пора", Blödsinn, "когда он", "глупо подвергать".) Хоть, в общем-то я никогда не был настоящим адиктом, скорее это было просто частью моей философии, и не одному компьютеру на свете так и не удалось зафиксировать мое антигерманское пристрастие.

Когда по прошествии лет вы начинаете считать на часы и пытаетесь поместить себя в худший момент своей жизни, то сначала вы вдруг находите себя во втором классе поезда. И в одной из рук у вас зажаты казначейские билеты с напомаженным Бумиколем в неизменных идиотских очках, с неизменно вежливо-идиотским выражением лица. Это второй король в моей жизни, о котором я могу сказать, что он реально существует в плоти. Король снялся вместе с толстой американизированной принцессой и королевой Зириkit с проспекта вселенских красавиц. Эта царственная троица изображена на фоне самой пустынной школы на свете: на косогоре за деревней племени Тайз. Единственного обращенного племени, с тяжелыми корейскими лицами, отказавшегося от мака и сеющего на маковых полях рис и цветную индейскую кукурузу. Я ночевал в этой школе. Это - продуваемый ветром каменный барак с врытыми партами, со снесенной дверью и подозрительно разглядывающей белых людей ушастой школьной крысой. Она давно уже не видела тут ни учеников, ни учителей, несмотря на поступательное движение прогресса и царские уверщания. Flieg gen Norden, mien Herz. К границе золотого макового треугольника, при упоминании которого начинает тревожно колотиться сердце германской матери. Цивилизация летит тут в золотой карете запряжённой миссионерами и фирмой "Соса- Cola". Но дальше на север, за гоминдановские деревни, мимо сонных деревень племени Лизу, дальше проводником прогресса шел только "коук". Вплоть до племени Мео - племени странных дел, мертвые которого превращаются в тигров. А во что превращались женщины страны моей Сиама, во что превратилась принцесса моя Сунит, мне только предстояло выяснить. У неё была восьмая часть королевской крови и пушистое выражение лица. Она пела мне в постели мои любимые песни в шелковой индокитайской интерпретации сколько просишь раз подряд. У неё были мягкие круглые локти и аромат, в который можно зарыться и в нем жить. Leben der Zukunft, rufe aus, ich vernehme dich nicht. Во что превращаются женщины, которых нельзя спрашивать о будущем и о прошлом, которых

нельзя удерживать за запястье, чтобы тебя не принимали за извращенного насильника, во что превращаются женщины, выбрасывающиеся дважды в неделю из старенького американского самолета - пятьсот бахт прыжок. Что такое, собственно, любовь? Если отвлечься от классических определений, вырубленных лютеранскими Библиями, то где эта степень идеальности твоей женщины, которая не знала Бога, и была просто женщиной на земле. Бывшая школьница, которой платили по пять сотен за прыжок. У неё даже на школьной блузке был нестершийся личный номер. Когда вы помещаете себя в прошлое, то сначала вам мерещится женщина вашей жизни, которую вы поливаете водой из тяжелого бронзового ковша, и она сидит на изваянных корточках, касаясь коленями снисходительно блестящей скальной ванны, и в воздухе застыли мириады брызг. Каждую каплю вы знаете в лицо.

И вас обжигает наплывающими волнами сиамской кожи, душистой смеси гянджи и неведомого плода, плода, повисшего в нигде, потому что никаких аналогий в вашей жизни не было, и сравнивать вам не с чем.

Только с цветными снами, которые она любит пересказывать на ухо. *Damals halt, nun ist sie tot.*

Прижавшись смуглой грудью с нестершимся школьным номером. *Ich glaube nicht an ihren Tod.*

В смерть женщины, плывущей кругом твоего тела плавными движениями матовой дикой кошки, зарабатывающей на жизнь почти так же, как я - кистью на свежем папирусе бамбуковых зонтов. Пружиня кистью на декоративном шелке, детским маслом, густыми цветами скрытой мозги, которые потом вспыхнут под дождем в руках красавиц и депигментированных гормональных уродов, вылезающих из карликовых экскурсионных автобусов.

Вы помещаете себя в прошлое, и на затылке у вас свободные руки женщины, у которой необыкновенно гнутся кисти и пальцы, женщины, видевшей снег. Знаете, не много женщин в Таиланде видело во время нашей жизни снег.

И когда вы пытаетесь не ошибиться и отвалиться от сквозной трубы времени более или менее точно в свою жизнь, спотыкаясь об одичавшие докитайские цивилизации, различая век от века по цветам шаманов, то.... То вы бьетесь плашмя о стену леса, где кончаются дороги и начинается Шай Юнайтед Форсис, где начинается другой, настоящий король - Крунг-сан, отделивший мак от Бирмы, где пропадают и не возвращаются крепкие мальчики из Си-Ай-Эй, или Раушгифтдицеа-ната, открывшего, наконец, свою собственную контору с застекленными окнами на окраине Бангкока. Безукоризненные татуированные хиппи, но их выдает апперкласс тай, *Thai, das in*

Geheimdiensten gelernt wird, на таком языке обычно иностранцы не разговаривают.

А разговаривают сирены и духи гор, и, отчасти, забывшиеся полуденным опиумным счастьем свайные деревни, окруженные мертвой зоной страха. И, чтобы тебя не приняли за чужого, ты невпопад, еще в самолете, громко смеешься, с треском ломишься сквозь кусты, успокаиваешь лохматых собак, и перед тобою не выдергивают бревен с выдолбленными ступенями, и на уровне губ любимая ступня в резиновых сандалиях, пальцы и ногти, и ее зовут Сунит. So hiess sie.

Когда вы возвращаетесь в прошлое, вы находитесь в Шианг-май. Городе смерти. Днем Шианг-май - это рай. Это самый зеленый город на свете, пьяницы которого склоняют голову над бутылкой меконг виски и грустят. Это заспанный плоский город, и его девушки всегда только что проснулись. Ночью Шианг-май - это Шианг-май. Когда я полностью очнулся, посмотрел по сторонам и поджал под себя ноги, я ехал вторым ночным классом из Бангкока в Шианг-май, в ладони у меня был дареный цыпленок, таинственным образом туда перешедший, и память о том, что поезда реже грабят. Я прошел в туалет и осмотрел себя - я достаточно точно поместил себя во времени, хоть изображение все-таки немного двоилось и плыло в зеркале. Может быть, это были такие зеркала. Поезд остановился. Продавцы жареных цыплят рассеянно выкатились на платформу и по неслышному мне призыву мотнули головами в сторону встречного состава, который повезет остаток цыплят обратно на юг.

Впереди была еще вся ночь. Der dunkle Mantel der Nacht senkt sich herab. Это очень долго - ночь. В приглушенном зеленоватом цвете. В кресле передо мною шелохнулась спящая девочка, и я начал смотреть на нее и возвращаться к реальности. Трудно до конца поверить, что в наше время кто-то может умереть от горлового кровотечения. Возможность погибнуть от туберкулеза казалась мне неправдоподобной и смешной, и я потеребил в сознании ее голос, приглушенный зеленоватый голос. Она сказала: - Не могла понять людей в Швейцарии, так богаты и так несчастны...

Конечно, если вы родились в Таиланде и вам может нравиться немецкая Швейцария, то с вами что-то не в порядке. Но трудно быть обрученным с женщиной, которая живет в воде и дышит воздухом другого состава, и единственное условие неизменно - что вы можете быть вместе только в Таиланде. Точнее, только на севере, потому что даже в Бангкоке она жить наотрез отказывалась. Там была тайна, которой нельзя касаться. В этом невозможность и прелесть жизни с сиамкой, что кругом вас зарытые тайны, о

которых не спрашивают. Geheimniss. И можно только гадать, какие хрустальные узы могут быть с разбившейся на твоих глазах двоюродной сестрой, когда ты еще полную минуту должна демонстрировать стадиону свое искусство, а она летит под тобою, скользит, уходит вниз камнем.

Verdammte Siamesinnenromantik. Все, что я с невероятным трудом смог узнать, был достоверный факт, что мистическая двадцатилетняя кузина уходила камнем вниз, в никогда, вдребезги пьяной.

Когда ты со своей тевтонской настойчивостью докапываешься до дна, то в руках остается фотография двух прогнувшихся в воздухе сестер с нестерпимыми лиловыми надкрыльями.

Боже, как страшно, как темно, как пусто в Таиланде ночью. Слишком много звезд, и навсегда уходит солнце. Поезд отсчитывал мили моей жизни без женщины, которая была моей точеной тенью, невыездной из Сиама русалкой, видевшей белый снег.

Я проснулся в седьмом часу утра. Поезд пришел в Шианг-май.

Глава вторая. МОЙ БРЕД

Unsinn. Выходить из вагона был отчетливый лакейский страх. Женщина собирала впереди меня ребенка в арбузной мякоти, от чего у меня по памяти начала болеть голова. Не так болеть, но гореть, и пухла. Прошел маленький полицейский и оскалился. Я все-таки вышел, потому что нельзя оставаться в вагоне. Я не очень в вагоне понимал, что происходит, потому что вагон тогда отогнали, и была в голове сильная тяжесть. Я провел пальцами по волосам, потому что если смотрят, может быть, волосы не были в порядке. И пошел. А у локомотива все сидели, смотрели насекомые меня и смеялись. Где стоял локомотив из цветков. Не который локомотив от поезда, а на площади. Но сначала я обернулся и проверил назад - и светофор запыпал в огне, а во мне что-то щелкнуло. Голова перестала болеть, но смотреть стало трудно, и я знал уже, что произошло, только не мог еще вспомнить. И этот звук. Я перешел там, где машины. Так бывает от светофора, когда включают. Я машину не брал - замки закроют, и там казнят. На глазах были стекла от солнца, но мне было их не сдернуть. Я искал их на лице, но не мог на них напасть. Все было не в таком свете, как раньше, а размалевано красным, потому я думал, что очки. И этот звук. Мешало назло думать вперед. Я нашел рикшу. В Шианг. Deutsche Mütter, lässt ihre Söhne nicht hierhin. Пять в круге. Я привалился к сиденью. Из парчи. Не горячее. Не малярия. Не варят. Капал кислоту на прошлый год. Фляшь-бяк был со мной, если знаете. Откатка. Сколько лет нужно угробить на наркотический сон, чтобы так взлететь просто ступив на эту землю! Рикша пылил вперед, улица была красная и

царапала, сухая, без ветра. Вся в кирпичных пятнах. В отеле администратор цены не заламывала. Но так же самое скалилась, ничего занимательного во мне не было, но они начали смеяться. А притворялись, что сначала улыбнутся. Я был совершенно голый, в одежде , но голый, у меня не было защиты от людей. Наверх был лифт без зеркал, и все ждали, а я не глядел, вниз глядел. В номере сказал, что зеркала завесить. Я положил вещи на кровать. На такую кушетку и снял туфли. Сидел в носках. На покрывале лежала пижама. Недорогой отель. Горячая пижамная куртка и брюки. Тогда я заметил бордовые лилии. Сунит писала лотосы удачно. Лилии. Я начал искать в чемодане пижаму, потому чтобы без лилий. А на занавеси еще просвечивали ядовитые бордовые бабочки. И этот звук. Я перевернул чемодан на лицо и перестал искать, затем, что сразу устал. И пошел выйти через вход. Мальчишка там стоял с велосипедом. Я пошел по улице. Мальчишка тоже скалился, но боялся видеть. Еще потому ушел, что на креслах и вместо окна была сетка бабочек. Я тогда пошел по аллее. Nach meiner Lotte suchen. Где жили ее родные и дядя. А за этим в трех кварталах идти была мануфактура. Я потому пишу объяснение, что это была вблизи ее дома гостиница. Но дома их не было, и мануфактуры я не увидел. А вместо стоял ресторан. Не просто был как лавка, а было три зала. Но я знал, что здесь раньше стояла мануфактура Сунит. Потому что было рядом за углом. Не было никого, чтобы спросить. Хозяин был бирманец. Не говорил со мной. Я хотел вернуться, чтобы спросить. Но он за этим помотал головой. "Где я жил?" - спросил я. "Вы жили в "Римпинге". "Римпинг". Да, так называется отель, где я заплатил. Там были эти лилии, да, бордовые цветы на креслах. Цветные красные бабочки. Большие жирные красные шелкопряды-бабочки, как тупые пальцы, и красные. "Вернитесь в отель, там автобус", - сказал хозяин ресторана. Он был бирманец. Там много было из Бирмы в Шианг. Их можно сразу отличить, все были в красном. Я ничего не сказал ему. И пошел искать отель и взять в чемодане адрес. Отель "Римпинг". Я точно помнил это название имени. Но вслух я не говорил. Автобус стоял, и все на меня смотрели напрямик. Все ждали, что я сделаю. Я вошел сзади, чтобы они не смотрели. А за пультом кондуктора не было человека. Поэтому не ехали. Потом вошла кондуктор и дала мне на палочке ананас. Все стали смотреть. Он был с прожилками, и беспокоило, потому такой цвет. Но я насторожился, что она вошла в автобус и дала мне сразу и смеялась. Я тогда отдал ей и вышел. Пошел прямо по улице, но не так далеко, и опять поднялся в комнату искать адрес. Все еще на покрывале лежали пижама и чемодан. Но вне меня там кто-то был до. Это было явственно ощутимо, потому что были люди и до меня вслух смеялись. Я опять пошел по Басан, и дошел до дома ее дяди. Его не было. Даже дома не было. Ничего не было. Мануфактуры не было. Краем

сознания я помнил, что идет фляшь-бяк. Flashback. Что я могу летать, но наверх идти поэтому нельзя. Когда начался, я не помнил, и не помнил, где мануфактура начала таять, я успел наступить на это видение ногой. И там ничего не осталось. Я вошел опять в ресторан и сказал ему, чтобы принес еду, потому что я хочу есть. Он стал тогда смеяться. Это было невежливо. Он объяснил, что бурый рис дадут в тюрьме. Hinterm Gitter. Он сказал "в тюрьме", но не сказал "мне". Но так смеялся, что было видно, что думает "мне". Я сел в углу зала ждать. Вся зала превратилась красной. Кислота мне не удовольствие. И не развлечение больше. Пока несет кверху, держит страх, что не вернусь. Фалда скатерти тоже была красной. Теперь нужно было, не торопясь, повернуть шею и посмотреть в зеркало, какое у меня лицо. Удивление, что был один угол и я сидел в него спиной. Там еще было кресло, но не было повернуться мне. Потому что этот мог принести есть, и вошло несколько красных девушек. Рубиновым ртом и красными мантиями как плащах. Брови были красной кровью, и на портьерах опять эти бордовые шелкопряды с зубами. Я тогда сел и не поднял головы. Стол был не так сильно красный, но красный. Еду принес красную. Красный соус и вилку. Я решил не есть. Если все так красное и уйти. Но не мог уйти, потому что надо было ждать, пока девушек нет в проходе. Надо было повернуть шею в зеркало, когда все не смотрят. Я сидел и смотрел на ногти, так как один начал выпадать, но не начисто. Так что до конца я не знал, но на границе, где рука - ноготь. Не про это я сначала думал, а где был двор мануфактуры, из стены свисала рука. А сейчас была красная трава, но не так живая. Попадание было высоким, но не пронзительным. Я смеялся оттого, что взлетаю бесплатно. Меня больше беспокоило, что все было так однообразно в цвете, и за тем не было лиц. Я увидел, что кто-то заглядывает в окно, и тогда пришел хозяин и сказал "Ну что?". А глаз красный. Краснее одежд. Я уже много месяцев был стрэйт., не курил и не кололся. Девушки развернули плащи, и подкладки стали так же красными, а верх исчез. Мне тогда пришла идея, что нужно самому позвать хозяина, но тогда у красной девушки стал расходиться шов на лбу, но не так страшно, потому что мы были в среде. Я всегда знал, что должен же иметься шов во лбу, и начал смотреть, что будет. Но они замахали руками и пылали как архангелы. И смотрели на меня. Если удастся мне проверить, то буду смотреть в зеркало, но он не шел. Я закрыл глаза и постучал по столу. Я их видел сквозь глаза. А он не мог заставить меня смотреть ему в красный глаз. Он тогда тихо спросил, чего мне надо. А я сказал безразлично "молоко". Чтобы не выдать свое внимание и что я проверяю. А я просто устал, и за этим закрыл глаза. Сейчас не выдать бы себя мне. Если молоко красное, то надо, чтобы меня никто не знал, и переодеться тоже с такими цветами, и никто совершенно невдомек понять,

что все красно. Бирманец принес молоко и грохнул об стол. И чувство было, что он не ушел назад, а не знает до конца. Подозревать меня или нет. Но я все не решался раскрыть себе глаза. Девушки ушли. Одна, со лбом, самая первая ушла. Посмотрела на меня и ушла. Как предчувствие было не выходить из вагона. Но тогда не так было все краснеть подряд. Странно, что мануфактуры так не было. Я осторожно начал открывать глаза. Он меня очень выручил. Пелена со лба сошла, и я открыл глаза широко: все кругом налилось страшной солнечной красотой - толстые румяные девочки, белки хозяина, его шея, шелковый костюм и отвратительные тутовые шелкопряды на всех стенах. Я поднял глаза на всех, кто был на потолке и в комнате. Я боялся. Что-то соскочило, и я посмотрел на стакан с молоком. Приступ кончился. Молоко было белым.

Глава третья. DIE STADT VON MEINER SUNIT

Разница между гашишем и героином такая же, как между яблоком и противотанковой гранатой. Я жил третий день подряд в Шианг-май, и мне казалось, что я безостановочно ем. Я вдруг с невероятной четкостью замечал, что моя рука повисла в воздухе, полная клейкой массы, и мне стоило усилий отделить руку от себя и не вспугнуть. Совершенно не помогало пить: я только все больше трезвел. И как специально не пьянел, а все закусывал пучками изумрудного свежего укропа. Никого я не нашел. Меня знали. Меня помнили сотни людей. Может быть, двести, двести разных людей, но я не мог найти никаких следов Сунит. Мне любезно улыбались. На меня вскидывали брови и спохватывались. Передо мною стояла стена. Сначала еще по инерции ждалось, что сейчас мне кто-нибудь возьмет и ответит. Но я снова возвращался в отель ни с чем. Не было Сунит. Не было ее родственников. Не было фирмы, в которой она служила. Была трава, две ветки. Вчера я нашел решетку с чугунным драконом и сказал себе "ага". Но за ночь дракон тоже успел вскинуть брови и спохватиться. У дракона был обломан язык, и по нему я дракона узнал. Пора было и мне чего-нибудь вскинуть или тоже спохватиться и спросить себя, чем я тут занимаюсь в Шианг-май. И таким образом подвести черту своим поискам. Чего я, собственно, хотел? Начать отсчет. Что сколько ни закусывай укропом, но нас теперь один, а не два. В конце концов, об этом не говорят мужчины. Мужчины как я.

Что какая-то прозрачная девочка, с осанкой балованной принцессы, с узкими бедрами и плоским теплым тазом, вдруг умерла и разрушила меня до конца. Gestorben. Такого натворила. И эти безумные улицы кругом. Полные таких принцесс. Да не таких. Говорят мне: "Хау ду ю ду, мистер".

У нее были вертикальные буддийские уши. В форме храма. И просыпалась как не спала. Открывала глаза, и, знаете, в них сразу было столько много жизни. Садилась как километровый желтый суслик удивленно в постели, или даже не садилась, а просто открывала глаза, в которых сразу был весь мир. Наверное, Бог взял мою королевну за полчаса до сна. И никто не знает, никто. Мокрый какой город Шианг, какой ужасно мокрый. Вы, наверное, не слышали о Шианг-май, чтобы понимать, как оплавляются среди неба, среди этой тени, среда оранжевых монашеских рас, среди потного солнца оплавляются мои, меня, мой, воля моя и мозг.

Интереса к жизни, вот чего мне стало недоставать. Ее королевской крови и ее самой нет следа. Умерла. Навсегда, наверное. Не знаю. Боюсь знать. Взяла и умерла. Такая живая была, что я не мог думать, как это не дождаться меня и от этого умереть. Это еще счастье, что я идеально владею собой. Трезвый. В сознании. Только потный. Все время утираю лоб и вытираю его салфеткой. Одна беда: этот знак называется двоеточием. Двоеточие - это значит, что вы меня застали посреди горя, о котором мужчины, как я, не говорят, да и я молчу. Я просто не успел взять себя в руки. Всё из-за девчонки с узким теплым тазом. Как жить теперь, прямо не знаю, как жить. Она даже детей не успела мне родить. Точка. Теперь я буду спать. Странно чтоб проснуться.

Глава четвертая. ОТКРЫТАЯ КНИГА

Еще шел день. Знойный душный день над городом, когда ко мне начала подкрадываться душевная боль. У меня заныли две почки.

Я идеально владею собой, но в Таиланде это выражение К лица читают как открытую книгу. Их бин ауф нем аффен. Горло сводило холодной судорогой, и я заставлял себя дышать. Я уже был мертв. Приехали.

Наступила мне смертная тоска, которой нет спасения, и удержать меня было уже нельзя. А если вы даже прыщавый школьник, и не провели в этом бизнесе полных десять лет, то и то вы понимаете, что нет более опасного места, чем Шианг-май, для той торговой операции, которую мне было необходимо произвести. Потому что хаш не помогает от этой боли. А опиум был для меня единственной опцией, той, что для вас является таблетка аспирина. Мне жгло душу. Alles, was ich brauchte - Opium. Нужно быть таким прихотливым чудовищем, как я, чтобы иметь целые вены и такие дорогие пристрастия. Я даже когда-то выращивал плантацию мака над своей мастерской, но кельнское солнце - это бледное солнце. Немецкое солнце не предназначено для аккумуляции духа. Немцы прямо. Они уже много столетий идут прямо. Я - немец. Я несу в себе всю глубину этой

непоколебимости германского духа. Антидегенератов, антицыган и антитурков. Anti-Geistes aller menschenwurdigen Dinge der Welt.

Турки все курят. Турецкие мусорщики колют морфий белокурым германским детям, ворвавшись в киндергартены.

Нельзя объяснить людям, которые сбрасывают здесь с ног резиновые тапочки, что в Германии нет манго и элефантов. И уже шесть сотен лет ушло безвозвратно время, когда в Шварцвальде водились птички и стекали с холмов водопады без детергентов. Wir sind die Nation der schneeweissen Hemde. Что в Германии не начинают день с трубки - до завтрака или после завтрака или вместо завтрака, и что в немецком времени не сохранилось готических карманов. Все-таки мне было не достать опия. Только к ночи. Только на освещенном маскарадном базаре. Когда я, уже почти не скрываясь, бродил от лавки к лавке, толстый бирманец Напа, который вспомнил, что когда-то и я оказывал ему небольшие транспортные услуги, сказал мне твердо "Wait".

Мир стал очень тяжелым местом для жизни. Даже Таиланд. Сегодня, если вы заговорите здесь о гяндже, любого сиамца бросает в дрожь. Похоже, что я ненавижу не только Германию, я перестаю любить Сиам. Я хочу освободиться от него. Я хочу убедиться в том, что я снова свободен и пуст. Что в моей жизни больше не будет женщин. И я уже час ждал у музыкальной стойки, лавки древностей. Шестидесятые годы цивилизации.

Я пропитался всеми запахами Востока, я отражался блеском вееров, всеми на свете нерешительными проститутками с надутыми детскими лицами, китайскими шкатулками, наивной травой, закрепленной на папирусе и женской одеждой пятью слоями лака. Мне было нечего им предложить. Им было нечего мне предложить.

Девять раз подряд я прослушал мистера Робинсона и Боксера. А бирманца Напы не было.

Стоять дальше было бессмысленно. Уходить было поздно. Слонялись татуированные "джянкис" с обручами в гривах. Уходить было поздно. Отвратительнее всего, что ждал я всего лишь нечто, что не могло меня сделать ни счастливым, ни несчастным, а только наполнить меня ледяным теплом, когда ты превращаешься в остывающий труп, и интереса к себе или к миру в тебе нет. Я ждал нечто меняющее и вымораживающее вашу душу - и я хотел именно выступить душу.

Кругом шла торговля. Все предметы этого культа, алтари, дароносицы, иконы, застекленные сборщики мака, трехствольные красавицы-трубки, похожие на древние разбойничьи пистолеты. Я чувствовал всей шкурой, что за мной следят. Мне было не все равно - мне просто было не уйти. Я знал,

что сегодня имелось чему-то быть. Но я не мог заставить себя уйти. Я плохо переношу монзун. Я плохо переношу бирманцев. И я так сильно не люблю героин. Да, время было вокруг уже не Эдгара По и не Бодлера, и от наезженных дорог до того, что меня по-настоящему интересовало в жизни, было еще три дневных перехода. *Drei Tage unterwegs.*

До того последнего места, где кончается полиция, до того места, где женщина с хрупкими прямыми плечами, женщину, которую я всю любил до клеточки, влепила в листву наемный императорский джип, так что за ним захлопнулись ветки, и через месяц, когда мы за ним вернулись, так же резко вырулила к дороге и, улыбаясь, позвала меня по имени.

Глава пятая. Zeigen Sie mal Ihren Mund

За спиной меня кто-то звал по имени. Напа стоял, закрытый стойкой с плетеными шляпами, и очень нетерпеливо вращал мне пальцем. Боковым зрением я отметил: несколько вялых торговцев и пьяниц, и из-за поворота начал выруливать свободный синий рикша.

Деньги были уже час зажаты у меня в ладони, уже вспотели, оставалось пройти мимо Напы и выхватить у него порошок. Нужно было секунду переждать, распрямиться и пройти мимо стойки со шляпами. Напа сильно нервничал, он даже не пересчитал деньги, сунул мне в пальцы флакон и пролаял сдавленным шепотом: "Ит из хот! ". Вот так, значит, рядом полиция. *Man hat mich beschissen.* Рикша уже проехал первый ряд лавок и поравнялся с галереей, где мы стояли. Я метнулся к нему, прыгнул на ходу и погнал его в гостиницу. Первым инстинктивным движением пластиковый флакон я поместил за щеку. Никого за спиной на дороге не было. Напа сразу испарился и стал невидим. Проехали еще сорок метров - никого на дороге не было. За базаром сразу шел пустырь, и был до него последний освещенный базарный тупик, если оттуда не появится полицейская машина - значит, все обошлось.

Пусто, пустая улица. Можно было вздохнуть. Я перевел дыхание. Мы ехали по пустой аллее без машин и оторвались уже метров на семьдесят от базара. Я назвал точный адрес отеля и поудобнее устроился на сиденье. Это было моей ошибкой.

Я на одну секунду отвлекся от дороги, и, когда я распрямился и поднял голову, рикша уже встал. Мы проезжали небольшую палатку на дороге: навес - не навес, я видел его раньше и принимал за автобусную остановку. А встал рикша, затем, что на крыше палатки ярко вспыхнул прожектор, и с трех сторон нас обложили фонарями.

Напа сволочь

Я думал, что это он сам меня заложил. Ах ты, матушка моя, Mutter Anna. Уже ни от чего было не избавиться. Пока полицейские подходили к нам, я только и успел, что разгрызть стенку флакона и сглотнуть горечь. Рот был набит осколками. До полицейских было два неполных метра. Могли услышать скрежет. Меня вежливо ссадили с корабля и повели под навес. Двое полицейских и парень в гавайской рубашке, похожий на недоучившегося студента.

Полицейские разделились - старший, в подбитых туфлях, кляцающих по бетону, взял мою сумку, а двое повели меня к столу. В углу на скамеечке сидела трансвеститка. Я механически следовал за ними. Интересно, сколько я проглотил. Сговаривались с Напой на восемьсот баht. Сколько же он там мог нагрузить. Двадцать доз.

Все были на голову от плеча ниже меня, но кто-то еще в темном углу стоял с сигаретой. И я все время был освещен. Руки за головой. Ничего не выходило. В темноту и изрыгнуть как пес. Поздно. Надо так влететь. Приличные у них тюрьмы, не бывают. Проходишь год, шар за собой потаскаешь. Но не средние века, не Турция. Турки первым делом просят плюнуть на пол. Горе тебе, если у тебя сухой рот.

Я не понимал, чего они от меня хотели. Я немецкий турист. Кельн. Турист. При чем тут руки? Они не раздражались. Студент с антенной "воки-токи" попросил меня засучить рукава и сказал, что хочет видеть вены. Я в жизни своей не кололся. Во всяком случае в вены. Я -немец. Я не так воспитан. Я все еще заметно не понимал, чего они от меня хотят, и руки держал за головой.

- Вас видели вместе с Напой, о чём вы говорили?

Мне засучили рукава.

Может быть, и не Напа.

- Мы говорили про одежду. Я плохо его понимал. Где вы остановились? Я ответил.

Студент что-то передал по радио. Я снял куртку, и второй полицейский перетряхнул карманы. Пока меня обыскивали, я возмущался, но не перебарщивал. Соблюдал меру. Может быть, и не Напа. Туфли? Пожалуйста. В руках. В ногах. Минимум это год. Они выезжают на иностранцах. Если до этого не сдохнуть. Как героически умирает смаглер, когда у него в желудке лопается презерватив, набитый героином. Романтический идиот. Потерял всю осторожность. Ножные кандалы и на всю жизнь на ленте компьютера. Да еще за что! Я даже в своих глазах никогда не смогу оправдаться.

- Так о чём вы говорили с Напой? Про одежду.

Мы действительно сначала говорили про джинсы. Потом мы говорили уже о

совершенно другом. Он просил меня провезти до Бангкока партию героина. Я принципиально не могу возить героин. Это не из моего царства. Можно одеться? Мне холодно. Поменьше разговаривать. Очень шамкает голос. Любой немецкий кретин давно бы уже услышал. Они переглянулись и разрешили мне надеть брюки. Я стоял под навесом. Лампа светила довольно тускло. На фоне прожектора на крыше она еле светила. - Покажи рот. Я не понял. Рикша остановился в пяти метрах от навеса и терпеливо ждал, чем все кончится. Я говорил с каким-то невероятным осколочным акцентом. Я не понял про рот. Сколько же этого говна героина было во флаконе. Очень не соврал Напа, что "хот". - Покажи рот!

Я открыл рот. Но криво и задрал голову. Чтобы им было виднее. Студент посветил снизу фонарем. И оглянулся. Я закрыл рот. Мир рушился. Мне было нечем гордиться. Я даже не мог сердиться на полицию. Картиночки по стенам. Я сел. В крови сейчас пик. Не проследить бы еще момента. Через нос я бы уже давно сдох. Полицейский в хаки начал что-то снимать с пояса. Gegessen. Интересный опыт потаскать за собой шар. В Турции это был бы червонец. Чего тут курят в тюрьмах?

Полицейский снял лампу с крюка и принес ее на шнуре. Губы страшно горчили. Старший полицейский все еще копался в моих вещах. Там нечего копать. Там все перекопано. Студент подошел к нему, и они стали негромко совещаться. Второй полицейский подержал в руках лампу и снова повесил ее на крюк. Я начал молить Бога о жизни и о свободе. Если сейчас не умереть от того, что Напа мне насыпал, и они возьмут кровь, то это год. У меня абсолютно чистые вены. Но они все тут курят, это для сиамца естественно. И поэтому во мне они сразу все унохают, как коккер-спаниели. Так без цели пропасть. Даже не кандалы и не моя репутация, но Сиам - единственное место на земле, где мне было стыдно сидеть в тюрьме за героин. Я начал говорить. Полным бутыloчным своим ртом: острые края у осколков, мне было не проглотить их. Медовый месяц в Сиаме. Время шло очень медленно. Старший полицейский сложил все вещи в свою сумку. Когда он двигался, его туфли царапали по бетонированному полу.

- Ладно, - сказал студент. - Мы вам верим. Вы хороший человек.

Двадцать минут меня ничему не научили. Был горячий душ и кончился. Иссяк.

Я взял вещи и вышел. Ничего больше не говорил. Не прощался.

Рикша мне приветливо улыбнулся. Рикша был рад, что меня отпустили. Я ему махнул рукой ехать в "Свит рум". А сам начал кашлять и отплевываться осколками. Рикша на меня покосился. Не окаменел, не стоунд. Ни даже близко. Слишком был глубокий шок. Блевать было поздно. Теперь все дело в дозе. Мы договаривались на восемьсот баht. Они не профессионалы. Немцы

бы никогда не совершили столько ошибок. Можно было не полениться и довезти меня до участка. Подумали, что я скинул героин по дороге. У них нет рвения. Они просто работают. Они не хотят делать лично ничего большего, чем работа. Даже не посмотрели мои документы. Я не знаю, о чём они думали. В Таиланде с любимой женщиной ты не знаешь, о чём она думает. Рикша приветлив. Я не знаю, о чём думает рикша. Рикша мог видеть, как Напа прилипал ко мне у лотка. Может быть, студент подумал, что я не умею по-человечески открывать рот.

На повороте мы резко остановились, так что я чуть не вылетел. Я уже сплюнул все куски. От фонаря до фонаря было двести метров. Рикша прислушался.

В Германии они не говорят про "хороших людей". Они говорят "о'кей", ничего не нашли, найдем в следующий раз. Если вы им приглянулись, они вас могут еще осмотреть километрах в двухстах от границы. Ничего не стоит. Еще было только семь часов. Очень странно горела кожа, и больше "ни-ни", ни намека. Очень важно, развит ли у тебя комплекс вины. Я знаю людей, которые курят восемьдесят лет и все восемьдесят лет чувствуют себя виноватыми.

Тело притаилось. Я не понимал, чего от него ждать. Если вести себя дисциплинированно, то даже после семи трубок очень много энергии. Я возвращался из Амстердама...

Мы выехали на хорошо освещенную улицу, и я заметно потяжелел.

Я возвращался из Амстердама, и меня обыскивал старенький садист унтер с гноящимися глазами. Deutsch ist deutsch. Они тебе с головой влезут в задний проход, если я тебя длинные волосы или ты идешь босиком, но за день до рождества в рождественские свечи никто заглядывать не станет. Когда он первым делом взял в руки свечи и отложил их в сторону, я мог уже в каком-то смысле остыть. Немцы очень наивны. Полны разрушения и наивны. Они с удовольствием откроют фотокамеру и засветят тебе пленку или сломают глянцовую статуэтку, но у немцев есть предел фантазии. В любой другой день в году везти наркотики в свече - это смертельная глупость. После меня на платформу вывели на обыск трех парней, и у одного из них в рюкзаке лежала горячая сосиска. И мне представилась возможность увидеть, как немецкий полицейский сердится на собаку. Коккер-спаниели не могут выдержать этого напряженного запаха горячей сосиски, и их песика понесло прямо к рюкзаку. После этого собака негодна для работы в течение нескольких суток.

Большинство собак так до конца и не приходит в себя. Таким образом, разменивается полицейский, который ее готовил и с ней работает, и еще несколько тысяч марок, которые этот пес стоил. И все из-за одной Wurst с призывным запахом свиньи. Такая лохматая старушечья собачка. У них носы

лучше, чем у овчарок. Эти носы могут стоить тебе пару лет свободы. Поэтому этих паршивых собачонок не жалко. Зачем я это все рассказываю? И это после Голландии. В Голландии, если ты куришь, к тебе относятся как к больному. А немцы начинают на тебя смотреть с ненавистью. И не привода тебе Бог попасться в Баварии. Регион нацистских свиней. Я слез и отдал рикше горсть денег. Он не сразу, но уехал. Ресторанчик, куда он меня привез, находился на окраине города и был еще почти пуст. Ночь только начиналась. За стойкой сидели две молоденькие проститутки и болтали. Сиамки серьезно относятся к этой профессии. Проститутка может даже влюбиться в своего клиента. Я прошел через зал и сел в отгороженном углу. Последняя страна осталась в мире.

Я сказал девчонке, чтобы принесли мне полбутылки виски. Девчонка принесла, и я посадил ее посидеть рядом с собой. Она улыбнулась, но села. Они никогда не были колонией, девчонки в ресторанах не говорят на языках, но на них действует, что блондин. Официантка была очень хорошенская, с тонкими губами. Официантки приезжают из деревень, потом их обратно не вернуть. Но их выдают руки. Я мог бы полюбить девочку с такими резкими руками. Пальчиками переплестились. Третье счастье. Она ничего не пила, только сидела и спокойно смотрела. *Die sollte man nach Köln bringen*, этих желтых девочек, чтобы разбавить паршивую нацию, к которой я принадлежал.

Слишком много немцев. Всюду слишком много немцев. Вот и все. Лекарство от любви подарил Бог. Двадцать минут кошмара. Я попросил, чтобы девчонка еще посидела, и пошел в мужскую комнату. Кажется, меня начало уносить. Такие резкие руки у девчонки. Она могла бы готовить мне трубки. Когда я входил в туалет, к ресторанчику подъехала машина и встала. Я услышал кляцканье по бетону, которое я ни с чем не мог спутать. Окно было закрыто, но оно легко вынималось. Я стоял еще и смотрел на свое лицо. И стал вынимать раму. Я был уже далеко. Каменный как гранит. - Почему ты меня не встречаешь? - спросила меня женщина почему-то по-немецки.

Глава шестая.

- Почему ты меня не встречаешь? - спросила Танька. Мне хватает четырех трубок, чтобы мир стал неосозаемым и ясным. Язык, на котором я пишу в эти часы, - это бесконечный язык и бесконечная проза. Но когда я прихожу в себя, у меня пропадает желание писать. И только с того момента, когда у меня начинает подсушивать рот, и до того момента. Да, и до того момента, только в этот броуновский промежуток получается проза, у которой есть

какой-то вкус. У девчонки в ресторане бутылочная грация и крестьянские руки.

- Чем это пахнет? - спросила Танька.

-Хаш.

- Кончай дурачиться.

Таньке мне всего этого не объяснить. Она представляет себе меня обвшенным кучей орущих детей, в скисшей берлоге среди помоек.

- Знаешь, Танька, - проговорился я ей, -в Таиланде... - Кончай, ни в каком Таиланде ты не был. Танька ничего не хочет слышать про Таиланд. Даже людей из моего прошлого ей встречать невероятно тяжело. Она не любит восточную музыку. Зато я не люблю мелодий, под которые опереточные мужики водят медведей. Танька нагибается надо мной и через плечо читает. - Ах, Танька, оставь все это, если бы ты знала, как это все нелепо, как меня сейчас глубоко не интересуют женщины! - Это интересно, и? -Да!

- А что такое псевдополифоническая фактура речи? Где ты такое взял?

-Взял я это в учебнике по элементарной теории музыки П.Способина, Музгиз, 1958, купил в "Старой книге" за сорок шекелей.

- Какой ты все же невероятный кретин. А она действительно раскрашивала зонтики?

- Нет, она работала в массажном кабинете. Они сидят за непроницаемым стеклом - ты их видишь, а они тебя нет. Выбираешь себе массажистку по номеру. - Опять врешь. -Или да или нет. Потом Танька сказала: - Перестань говорить в постели по-тайски.

Странный Борхес писал, что историй всего четыре: про оборону крепости - герои оборошаются или нападают, про возвращение, про поиск, и про самоубийство Бога. И сколько бы нам ни осталось, мы будем возвращаться к одной из них.

А историй всего две: про жизнь и про смерть. И есть писатели, которые все выдумывают, а есть автобиографисты, которые пишут о себе. Я пишу о себе. И о Таньке.